

22. *Петрашевич И. И.* Развитие идей формирования профессионального мастерства учителя в трудах белорусских ученых-педагогов и просветителей (первая треть XX века): автореф. дис. ... канд. педаг. наук: 13.00.01; 26.04.2012 ФГНУ ИТИП РАО. М., 2012.

Поступила в редакцию 1.02.2014

УДК 811.134.2 + 81'1

УСТОЙЧИВЫЕ МАРКЕРЫ ОТРИЦАТЕЛЬНОЙ ФАТИКИ В ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ

О. В. Стахнова

В статье рассмотрена та сторона фатического общения, которая связана с отступлением от принципов вежливости, рассогласованием позиций общающихся вплоть до оскорблений, словесных унижений (если брать крайние формы проявления такого рассогласования). Приводятся аргументы в пользу правомерности включения этого типа речевого взаимодействия в область фатики. На материале драматических произведений выявляются устойчивые маркеры этой разновидности фатического общения в испанском языке.

The article focuses on that side of phatic communion which is related with the digression from the politeness principles, disagreement of positions of participants of communion up to the insults, verbal humiliation (if we take the worst manifestation of such disagreement). In the article the arguments for the rightfulness of the inclusion of this type of verbal interaction into phatic communion are given. Moreover, on the base of Spanish drama texts the markers of this type of phatic communion are being revealed.

К л ю ч е в ы е с л о в а: фатическое общение, отрицательная фатика, вежливость, рассогласование позиций общающихся, конфликтное речевое взаимодействие, маркеры.

Key words: phatic communion, negative phatic, politeness, disagreement of positions of participants of communion, conflict speech interaction, markers.

Введение. В подавляющем большинстве исследований фатической речи прослеживается установка на то, что в общении говорящие должны демонстрировать интерес друг к другу, проявлять солидарность, иными словами, придерживаться норм вежливого поведения. Неслучайно Дж. Лич обнаруживает «the close connection between politeness and < ... > the type of behavior which Malinowski named phatic communion» [1, с. 141]

‘тесную связь между вежливостью и < ... > типом поведения, которое Малиновский назвал фатическим общением’. Для Лича вежливость представляет необходимое условие социального взаимодействия людей на основе уважения личности собеседника, его мнения и интересов. В соответствии с такой позицией в сферу фатической речи не предполагается включать явления, характеризующиеся признаками рассогласования, тем более конфликта, в речевом поведении людей [2, с. 335; 3, с. 161].

Однако в рамках диалогического подхода обнаруживается противоположная концепция. Ее сторонники полагают, что речевой конфликт может принимать на себя роль регулятора социального равновесия среди говорящих и, следовательно, в этом смысле функционально сближается с собственно фатическим фактором. Такой точки зрения придерживается, например, Б. Ю. Норман [4], Л. А. Козловская [5, с. 5], Л. В. Чайка [6, с. 173–174] и, по сути, Г. В. Карпук [7, с. 21] и Р. В. Шиленко [8, с. 49].

Цель данной статьи заключается в том, чтобы аргументировать правомерность включения конфликтного взаимодействия в область фатики и выявить устойчивые языковые маркеры этой разновидности фатического общения в испанском языке.

Основная часть. Семантике вежливости в высокой степени свойственна градуальность [9, с. 63]. Этим можно объяснить тот факт, что уже в первых исследованиях, посвященных вежливости, это понятие часто характеризуется через противопоставление грубости, невежливости (см., например, анализ под таким углом зрения трех высказываний у Р. Лакофф: 1) You must have some of this cake; 2) You should have some of this cake; 3) You may have some of this cake ‘1) Вы обязаны попробовать этот торт; 2) Вам следует попробовать этот торт; 3) Вы можете попробовать этот торт’ [10, с. 910]. На таком же метаязыковом приеме построено описание максим вежливости у Дж. Лича (симпатия, например, характеризуется через противопоставление sympathy / antipathy [1, с. 132]).

На этом фоне не выглядит необычной позиция многих испанистов, для которых теоретически понятие невежливости оказывается втянутым в область вежливости. Это касается, например, соотношения вежливости и иронии. Обычно ирония квалифицируется как более или менее замаскированное выражение шутливого или саркастического отношения говорящего к слушающему [11, с. 246]. С учетом общих посылок этим, естественно, нарушается принципиальное условие вежливого общения, предполагающее гармонию межличностных отношений. Шутка и тем более сарказм как будто не могут не вести к рассогласованию фатических позиций собеседников. Но, как показали Б. Альварado и Х. А. Падилья, иногда ирония не направлена на критику другого, на то, чтобы нанести ущерб его социальному «лицу». Она рассчитана скорее на то, чтобы

“afianzar los lazos de camaradería dentro del grupo” ‘укрепить узы товарищества внутри группы’ [12, с. 432].

Таким образом, наряду с той стороной фатического общения, которая направлена на взаимную вежливость и предупредительность, существует и другая ее сторона, связанная с отступлением от принципов вежливости. Вместе с тем выявляются факты еще более острого рассогласования позиций общающихся. Речь идет о таких интенциях (если брать их крайние формы), как оскорбления, словесные унижения, бранные до непристойности обороты. Эту стратегию речевого поведения мы будем называть отрицательной фатикой.

В стратегии отрицательной фатики выделяются такие способы выражения, при которых обнаруживаются устойчивые языковые маркеры (фиксированные показатели).

Маркеры лексического уровня

Слова с инвертированным знаком оценки

Существуют лексические единицы, в семантике которых заложена положительная или нейтральная оценка, но в определенных ситуациях они меняют свою оценочную функцию на отрицательную.

Urbano. — *Los pobres diablos como nosotros nunca lograremos mejorar la vida sin la ayuda mutua. Y eso es el sindicato. ¡Solidaridad! Esa es nuestra palabra. Y sería la tuya si te dices cuenta de que no eres más que un triste hortera. ¡Pero como tú crees un marqués!*

Fernando. — *No me creo nada.* ‘**У.** — Мы, бедняки, никогда не сможем улучшить нашу жизнь без взаимной помощи. И в этом суть профсоюза. Солидарность! Вот наше слово. Оно станет и твоим, если ты поймешь, что ты всего лишь подручный. Но поскольку ты себя считаешь маркизом! / **Ф.** — Никем я себя не считаю’ [13, с. 94].

В семантике слова *marqués* ‘маркиз’ не заложено ничего негативного. Вообще это слово в оценочном смысле нейтрально, так как обозначает аристократический титул, т. е. выполняет сугубо номинативную функцию. Но когда это слово употребляется по отношению к человеку далекому от аристократии и титулов в целом, то приобретает дополнительную оценочную окраску. Адресант пытается убедить адресата в необходимости вступления в профсоюз и параллельно выражает недовольство тем, что адресат до сих пор этого не сделал. Таким образом, адресант понижает самооценку адресата. Адресант ставит перед собой задачу одержать моральную победу над собеседником. Но такая негативная оценка воспринимается собеседником сдержанно. Эта реакция может объясняться тем, что адресат делает вид, что не замечает грубости адресанта.

Метафора / метонимия

Распространенным средством создания конфликтного напряжения в общении являются метафорический и метонимический переносы.

Tocho. — *Nos quedamos aquí para siempre y ya está. A mí me gusta estar aquí.*

Abuela. — *Tienes menos sesos que un mosquito.*

Tocho. — ¿*Usted qué haría, lista?* / **Т.** — Мы останемся здесь навсегда и все тут. Мне нравится здесь. / **Б.** — У тебя меньше мозгов, чем у комара. / **Т.** — А Вы бы что сделали, умница?' [14, с. 57–58].

В приведенном примере обращает на себя внимание метафорический оборот *menos sesos que un mosquito* 'меньше мозгов, чем у комара', который по сути представляет собой эксплицитное выражение негативной оценки. В словах говорящего прослеживается некоторое раздражение и даже агрессия, которая находит выход в приведенной выше метафоре. Представляется, что высказывание задело собеседника, реплика-реакция носит негативный характер. Таким образом, диалог развивается по конфликтному сценарию.

Метонимия, как правило, встречается в обращениях.

Doña Pepita. — < ... > *Usted, hombre del bastón, ¿no dice nada?*

Ignacio. — *Buenas noches.* / **Д. П.** — А вы, человек с палкой, ничего не скажете? / **И.** — Добрый вечер' [15, с. 115].

Hombre del bastón 'человек с палкой' является метонимическим переносом с части на целое, с отличительных особенностей человека на всего человека. Это обращение подразумевает адресата. В нем прослеживается некоторое пренебрежение говорящего к собеседнику, выраженное в виде «колкости» (см. об этом [16, с. 32]). Негативной оценке подвергается слабохарактерность собеседника. Обращение *hombre del bastón* 'человек с палкой' явно не по душе адресату, так как его ответ односложен и свидетельствует об отсутствии желания продолжать общение.

Эвфемизм

Использование эвфемизма в области отрицательной фатики позволяет говорящему лишь формально не нарушать нормы социального взаимодействия, так как в более мягкую форму облекается то, что может быть квалифицировано как грубость, резкость, неприличие. Но адресат без особого труда разгадывает смысл словесного фокуса, и это создает напряжение в общении, которое может перерасти в открытый конфликт.

Rosa. — *Luis no sabe nada de mi pasado, ni que tengo amigas como tú...*

Nieves. — *Tú has sido como yo...* / **Р.** — Луис ничего не знает о моем прошлом и что у меня есть такие подруги, как ты... / **Н.** — Ты была такой же, как я...' [17, с. 438].

Посредством эвфемизма *amigas como tú* 'такие подруги, как ты', за которым стоит значение 'проститутка', адресант выражает свое отношение к адресату, но в более деликатной форме, чем если бы это было сделано прямо. Адресат, распознав этот оскорбительный смысл, реагирует именно на него, а остальное содержание высказывания уходит на второй план, оно

как бы затемняется эвфемизмом. Для адресата такое поведение адресанта явилось неожиданным, так как парировать он может только при помощи зеркального отображения реплики адресанта: «Ты была такой же, как я ...».

Фразеологизм

Основное предназначение фразеологизмов — прагматическое. Оно заключается в выражении оценочно-эмотивного отношения адресанта речи к обозначаемой действительности [18, с. 4]. Оценочность фразеологизма проявляется в отношении, основанном на характерных для данной языковой культуры нормах, к обозначаемому. Эмоции вызывает образный стимул, зафиксированный во внутренней форме фразеологизма. Эти эмоции могут быть не только положительными, но и отрицательными, что способствует созданию определенной тональности разговора.

Nene. — *Menos gritos, monja, que estoy malo...*

Sor María. — *¿Pero ustedes están viendo?*

Suárez. — *Será mejor que cierre el pico.* ‘Н. — Меньше крика, монашка, мне плохо.../ С. М. — Нет, ну вы видите?/ С. — Будет лучше, если вы заткнетесь’ [19, с. 103–104].

Обращает на себя внимание употребление фразеологизма *cerrar el pico* ‘закрыть пасть, заткнуться’. Посредством него говорящему удастся более ярко выразить отношение к словам собеседника, которое в анализируемом примере имеет негативный характер и связано с отрицательной эмоционально-психологической настроенностью говорящего к адресату.

Негативно окрашенная лексика

Doña Pepita. — *Olvida que soy casi una vieja...*

Carlos. — *¡Usted es quien parece haberlo olvidado!*

Doña Pepita. — *¿Qué dice? (Llorando.) ¡Loco, está usted loco!...* ‘Д. П. — Вы забываете, что я уже почти старуха... / К. — Похоже, что вы забыли об этом! / Д. П. — Что вы такое говорите? (Плача.) Сумасшедший, вы просто сумасшедший!...’ [15, с. 133].

Конфликтность здесь заложена не только в отрицательной оценке собеседницы, но и в структуре тех ролей, которые выполняют партнеры по общению. Представляется, что инициатором конфликта выступает Карлос, который имплицитно оскорбляет собеседницу, фактически называя ее старухой. Еще более сильную негативную окраску высказывание приобретает за счет того, что оно адресовано женщине, которая старше говорящего по возрасту (грубое нарушение социального стереотипа).

На **словообразовательном уровне** наиболее ярким средством выступают *уменьшительно-ласкательные суффиксы*.

Первичной функцией такого суффикса является уменьшительность. Но это значение может вступать в противоречие с общим содержанием высказывания и проявляться в качестве маркера конфликтного общения, в частности иронии.

Carlos. — ¡En fin! ¡Ya estamos en *casita*! Otra vez en Madrid, con mi *hermanito Cosme*, que está acatarrado... Con mi *sobrina Nuria*, que cuida los tiestos y escucha a los niños que lloran..., y con el esposo de mi *sobrinita*, que bebe sus dosis de coñac... ¡Qué risa!, ¿eh? ¿No es para morirse de risa?

Nuria. — Dale el chicle, *Fede*. **‘К.** — Итак! Вот мы и у себя (букв. — в до-мике)! Снова в Мадриде, с моим братишкой Косме, который простужен... С моей племянницей Нурией, которая заботится о цветочных горшках и слушает, как плачут дети..., с мужем моей племянки, который пьет ко-ньяк... Как смешно! А? Разве от этого не умрешь со смеху? / **Н.** — Дай ему жвачку, *Феде*’ [19, с. 27].

Традиционно суффиксу *-ita* приписываются уменьшительно-ласка-тельные и дружелюбно-интимные коннотации [20, с. 143; 21]. В приве-денном примере диминутивные формы используются как средство соз-дания иронического эффекта, который основан на противоречии между информацией о действительном статусе и возрасте адресатов сообщения (речь идет о взрослых людях) и тональностью обращения (как с детьми). Диминутив сталкивается с резко контрастирующей с ним реальностью. Посредством иронии, таким образом, передается эмоционально-психо-логическое состояние адресанта, которое можно охарактеризовать как раздражение, и негативное отношение адресанта к тем, кому адресова-но его сообщение.

Paca. — ¡Ahí va!

Cobrador. — (*Después de contarlas.*) *Está bien.*

Paca. — ¡Está muy mal! ¡A ver si hay suerte, hombre, al bajar *la escalerita*! **‘П.** — Вот, возьмите! / **С.н.** — (Пересчитав деньги.) Очень хорошо / **П.** — Очень плохо! Посмотрим, повезет ли вам, когда вы будете спускаться по лестнице (букв. — по лестничке)!’ [13, с. 87].

Высказывание адресанта *¡A ver si hay suerte, hombre, al bajar la escalerita!* ‘Посмотрим, повезет ли вам, когда вы будете спускаться по лестничке!’ обладает скрытой негативной субъективно-оценочной модальностью и имплицитно критикует поведение адресата. Создается кон-траст между употреблением диминутива и напряженной психологической атмосферой. На этом контрасте основан иронический эффект. В этом вы-сказывании также заключена скрытая угроза.

Маркеры синтаксического уровня

Вопросительные высказывания

Вопросительное высказывание, маркирующее приказ

Приказ в нашем материале используется участниками общения как средство дополнительного речевого воздействия, связанного с недоволь-ством адресанта действиями адресата. Он основан на приоритете власти и социального статуса [22, с. 35].

Purita. — ¡*Mamá! ¿Por qué eres así? Ya te he dicho que yo sólo puedo querer a Pepe.*

Doña Lucía. — *¿Vas a callarte de una vez?* ‘П. — Мама! Зачем ты так? Я же тебе сказала, что могу любить только Пепе. / Д. Л. — Ты в конце концов замолчишь?’ [23, с. 337].

Как видно из примеров, адресант не просто приказывает замолчать адресату, а выражает раздражение, освобождаясь таким образом от негативных переживаний, вызванных адресатом. У адресата нет выбора, ему приходится подчиниться адресанту.

Формально выражение приказа через вопрос призвано смягчить его — ведь требуемое адресантом действие как бы предполагает согласие на это со стороны адресата. Но в таком использовании вопроса проявляется вежливое по форме, но достаточно сильное давление на собеседника с целью принудить его действовать по воле адресанта. Подобная ситуация порою маркируется вопросительной формой глагола *querer* ‘хотеть’:

Federico. — *¿Quieres callar, estúpida?*

Nuria. — *Sí. Lo que tú quieras...* ‘досл. Ф. — Ты хочешь замолчать, дура?’ / Н. — Да. Как ты хочешь...’ [19, с. 27].

Аффективные вопросы

Аффективные вопросы выражают эмоциональную реакцию, оценку говорящего [24, с. 30].

Rosa. — *¡No me empuje! ¡Usted no tiene derecho a maltratarme!*

Paca. — *¿Que no tengo derecho?*

Rosa. — *¡No, señora! ¡Soy mayor de edad!* ‘Р. — Не толкайте меня! Вы не имеете права плохо обращаться со мной! / П. — Не имею права? / Р. — Нет, сеньора! Я уже совершеннолетняя!’ [13, с. 98].

Reyes. — *Llevas en el bolsillo un huevo de pasta. Te he visto pedirla.*

Olegario. — *(Indignado.) ¿Pedirla? ¡Querrás decir que me has visto trabajármela! ¡Yo me lo trabajo! ¿Te enteras, mocosa? No como otros...* ‘Р. — У тебя в кармане полно денег. Я видела, как ты их просил. / О. — (Возмущенно.) Просил? Ты, должно быть, хочешь сказать, что видела, как я их зарабатывал! Я их зарабатываю! Тебе ясно, соплячка? Не то, что другие...’ [25, с. 11].

Из приведенных примеров следует, что ответная агрессивная реакция адресата вызвана грубым поведением адресанта. По сути, адресат использует вопрос с целью защитить себя от агрессии собеседника. Поведение адресанта вызывает у адресата поток негативных эмоций, что находит отражение в аффективном вопросе.

Заключение. Отрицательное (конфликтное) речевое взаимодействие выступает в качестве особого элемента функционирования общества, так как является своеобразным способом психологической разрядки, освобождения от негативных переживаний, а также дальнейшего поддержания равновесия. На этом основании его правомерно рассматривать в рамках фатического общения.

В качестве маркеров отрицательной фатики выступают: на лексическом уровне — негативно окрашенная лексика, лексика с инвертированным знаком оценки, метафора / метонимия, эвфемизмы, фразеологизмы; на словообразовательном уровне — уменьшительно-ласкательные суффиксы; на синтаксическом — вопросительные формы высказывания, маркирующие приказ, аффективные вопросы.

Обращает на себя особое внимание использование вопросительной формы для выражения такой категоричной директивы, как приказ. Это следует отметить в качестве характерной черты испанской речевой культуры. Более того, необходимо подчеркнуть частое обращение к глаголу *querer* ‘хотеть’ в вопросительных высказываниях для выражения приказа. На основании этого можно заключить, что в испанской речевой культуре категоричность находит выражение в несколько смягченном виде.

Библиографические ссылки

1. *Leech G.* Principles of Pragmatics. London, New York : Longman, 1999.
2. *Труфанова И. В.* Прагматика несобственно-прямой речи. М. : Прометей, 2000.
3. *Конюшкевич М. И.* Диссонансные ситуации в речевом общении // Язык и межкультурные коммуникации : материалы III Междунар. науч. конф., Минск — Вильнюс, 17 — 20 мая 2011 г. / Белорус. гос. пед. ун-т им. М. Танка, Вильнюсский пед. ун-т; редкол.: В. Д. Стариченок (отв. ред.) [и др.]. Минск : БГПУ, 2011. С. 160—162.
4. *Норман Б. Ю.* Основы языкознания. Функции языка [Электронный ресурс] // Русск. яз. 2001. № 45. Режим доступа : <http://rus.lseptember.ru/article.php?ID=200104508> (дата доступа : 12.09.2012).
5. *Козловская Л. А.* Фатическая функция языка: социолингвистический и структурно-грамматический аспекты : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01; Белорус. гос. ун-т. Минск, 1993.
6. *Чайка Л. В.* Вербальные конфликты: вариант классификации // Вісник Дніпропетровського ун-ту економіки та права ім. А. Нобеля. Сер. Філологічні науки. 2001. №1 (1). С. 170—174.
7. *Карпук Г. В.* Контактустановляющая функция языка в судебном дискурсе (на материале выступлений русских и американских адвокатов) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19. Минск, 2006.
8. *Шиленко Р. В.* Прямые и косвенные экспрессивные высказывания в аспекте регулирования межличностных отношений // Языковое общение и его единицы : межвуз. сб. науч. тр. / Калининск. гос. ун-т ; редкол. : И. П. Сусов (отв. ред.) и др. Калинин : КГУ, 1986. С. 49—54.
9. *Ратмайр Р.* «Новая русская вежливость» — мода делового этикета или коренное прагматическое изменение? // Вopr. языкознания. 2009. № 1. С. 63—82.
10. *Lakoff R.* Language in Context / Language. 1972. Vol. 48. № 4. P. 907—927.
11. *Carreter F. L.* Diccionario de términos filológicos. III edición. Madrid : Gredos, 1974.
12. *Padilla X.* La ironía o cómo enmascar un acto supuestamente amenazante // III Coloquio internacional del programa EDICE: Cortesía y conversación: de lo escrito

a lo oral / ed. por Briz. A., Hidalgo A., Albelda M. Valencia : Universidad de Valencia, 2006. P. 419–435.

13. *Buero Vallejo A.* Historia de una escalera // Teatro español actual. La Habana : Instituto del libro, 1970.

14. *Alonso de Santos J. L.* La estanquera de Vallecas. Madrid : A. Machado Libros, S. A., 2005.

15. *Buero Vallejo A.* En la ardiente oscuridad // Obras selectas. Madrid : Espasa Calpe S. A., 2002. P. 63–134.

16. *Седов К. Ф.* Человек в жанровом пространстве повседневной коммуникации // Антология речевых жанров : повседневная коммуникация / под общ. ред. К. Ф. Седова. М. : Лабиринт, 2007. С. 7–38.

17. *Mihura M.* Una mujer cualquiera // Teatro completo. Madrid : Catedra, 2009. P. 417–461.

18. *Мокиенко В. М.* Загадки русской фразеологии. СПб. : Авалон, Азбука-классика, 2005.

19. *Mihura M.* Melocotón en almíbar // Melocotón en almíbar. Ninette y un señor de Murcia. Madrid : Espasa Calpe, S. A., 2007. P. 21–123.

20. Системные и дискурсивные свойства испанских антропонимов / Ю. А. Рылов [и др.] ; под ред. Ю. А. Рылова. Воронеж : ВГУ, 2010.

21. *Лопатина К. В.* Антропонимический мир романа К. Х. Селы «Улей» : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05; Воронежский гос. ун-т. Воронеж, 2008.

22. *Формановская Н. И.* Прагматика побуждения и логика языка // Русск. яз. за рубежом. 1994. № 5–6. С. 34–40.

23. *Mihura M.* El caso de la mujer asesinadita // Teatro completo. Madrid : Catedra, 2009. P. 295–353.

24. *Кузин А. Н.* Вопросно-ответные единства: синтаксис и прагматика (на материале русских и английских пьес) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19. Минск, 2007.

25. *Pedrero P.* Invierno de la luna alegre. Madrid : Ediciones A. Machado, 1990.

Поступила в редакцию 1.10.2013

УДК 81'255

ДИСКУРС-АНАЛИЗ КАК ОСНОВА ПЕРЕВОДЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

М. А. Тарасенко

В статье анализируется использование дискурс-анализа в переводческом процессе. Предложен критический анализ лингвистических исследований по данной тематике, выделены преимущества и недостатки разработанных авторами подходов к методике применения переводчиком дискурс-анализа для оптимизации процесса понимания исходного текста. Выявлена последовательность когнитивных действий переводчика на этапе восприятия и понимания дискурса на языке